

Александр Шуплов

Родион Нахапетов родился на Украине во время войны. Его мать была партизанкой и дала сыну символическое имя — Родина. Он снимался в фильмах «Живет такой парень» Шукшина, «Раба любви» Михалкова, «Валентина» Панфилова, сделал собственные фильмы «Не стреляйте в белых лебедей», «С тобой и без тебя»... Первым браком был женат на киноактрисе Вере Глаголевой. С конца восьмидесятых живет в США, где женился на женщине по имени Наташа. Мы встретились с актером и режиссером, когда он приехал в Москву.

- РОДИОН, что вас привело в столицу?

— Обычно я два-три раза в году приезжаю в Москву, чтобы сделать сразу несколько дел — на Мосфильме, на ТВ, в связи с моим фондом (Фонд друзей Нахапетова помогает больным детям России. — Ред.)...

- Вы связываете свои киношные проекты с Россией?

— Связываю. Очень хотел бы снять эпическую картину: показать историю одной семьи на протяжении семидесятых-восьмидесятых-девяностых. Мне всегда были интересны простые люди. Я имею в виду не тех «простых», которым надо выпить, закусить — и больше ничего. Простой человек — это тот, кто вместе со всеми движется в потоке. Он как бы вторичен в движении исторического процесса. Это ими, простыми людьми, руководят, учат жить, не платят зарплату... Вот о такой семье хотелось бы снять фильм — о семье, которая должна работать, чтобы прожить. Может быть, кто-то нарушил какие-то семейные заповеди, пытаясь влиться в новую струю жизни и достичь успеха. В этой картине можно было бы показать и тех, кто эмигрировал на какое-то время и потом вернулся, и тех, кто занимается бизнесом, и тех, кто спился... Мне хочется сделать эпическое произведение о семье в период ломки империи. Примером такой киноистории семьи для меня служат «Рокко и его братья».

- Семидесятые вы в своей картине еще кое-как нарисуете розовой краской, а вот дальше должна пойти явная чернуха.

— Есть какие-то вещи, которые придают нашему существованию позитивный оттенок. Не все стреляют и убивают. Есть ситуации, которые могут вызвать сочувствие и понимание. Например, у человека заболела и умирает мать. Что происходит в это время с ее сыном? Сволочь, негодяй, подонки, он теряет родную мать — и все его существо отталкивается на эту беду. Так что я не смотрю на жизнь в черном цвете.

- В какой стадии находится ваш замысел?

— В стадии мысли. У меня еще нет всей цепи, но уже появились звенья ее, которые надо собрать вместе. И я бы смог это сделать, если бы появился интерес — финансовый в первую очередь.

- Сейчас принято сперва искать финансы, а потом — образы.

— Знаю. Конечно, идея должна найти отклик в душе спонсора. Некоторым киношникам это удается: они находят спонсора, выпивают с ним и спрашивают: «О чем ты хотел бы снять фильм?» Он говорит: «Пусть обязательно будет красивая баба! Кому-нибудь надо съездить по морю...» Так рождается сюжет, который, как правило, является признаком дурного вкуса. У меня идея снять «семейный фильм». Может быть, это найдет отклик у спонсора.

- И все-таки, когда вы в своей «семейной» картине придете к девяностым годам, у вас в сценарии появятся и бабы, и мордобития...

— Совершенно верно. Это — часть нашей жизни. От этого нельзя уйти. В эти годы жизнь была настолько непредсказуемой... Допустим, мама одной милой, очаровательной девушки, скромницы с виду, вдруг узнает, что ее дочь... проститутка. Шок!..

- Кажется, вы задержались в своем киноразвитии. Этот сюжет уже проигран в «Интердевочке».

— Что поделять?

- Как вам сейчас живется?

— Там или здесь? Живется всегда внутри человека.

- А где вы живете «внутри» — там или здесь?

— «Внутри» я здесь живу: в своем прошлом — со своими друзьями, которые у меня здесь были. Впрочем, там у меня тоже есть близкие люди и друзья. Так что живется неплохо. Я доволен тем, что со мной происходит. Это не значит, что я доволен всем происходящим вокруг. Я лишился многих иллюзий. Многие, что планировал, о чем мечтал, не получилось. Выходит, я себя обманывал. Но я решил для себя: все, что произошло, является уроком и базой для того, что будет впереди.

- Жизнь вам компенсировала не- воплощение ваших иллюзий? В сво-

ей «вагнеровской» книге «Влюбленный» вы пишете, что в 22 года мечтали сыграть Гамлета и Обломова, вкусить супружеской жизни, побывать в Соединенных Штатах, научиться управлять яхтой и играть в гольф. Что-нибудь осуществилось? Положим, супружества вы вкусили...

— А вот сыграть Гамлета не довелось. И Обломова! Мне ужасно хотелось сыграть Обломова. Не знаю, почему. Ни Никита (Михалков. — Ред.) об этом не знал, никто... И это не осуществилось.

- Ну а о чем мечтаете сейчас?

— Об одной мечте — снять эпическую «семейную историю» — я уже упомянул. Кроме того, у меня есть пожелания самому себе сниматься и дальше, так как считаю себя хорошим артистом. Я мог бы сыграть еще много хороших и интересных ролей. Находясь на новом возрастном уровне, я могу играть по-новому. Какие-то качества во мне сохранились больше, чем у человека, который крутился в нынешних российских пертурбациях. Так и раньше было: русская интеллигенция, живая за границей, смогла сохранить то, что было утеряно в России... Еще — хотелось бы поехать по миру. Я много ездил на разные кинофестивали, но мне все мало. Это были в основном тусовки. Они ничего не дают и никогда меня не привлекали. Мне бы хотелось поехать, например, в Африку. Побродить там, где я мог бы остаться наедине с самим собой...

- Вы и в Америке сами с собою.

— Хотелось остаться со зверями, наедине с природой. Мне нужно не туристическое, не фестивальное путешествие, а что-то другое. Во мне живет что-то звериное.

- Это в вас все еще не умер Маугли...

— Может быть.

- Кто ваш бог в кино?

— Я бы не сказал, что у меня есть такой бог. Все-таки Бог — на небе, а не в кино. Кумир? Трудно сказать. Некоторые нынешние фильмы мне очень нравятся, и мое сердце откликается на них. Но режиссеров, таких как Феллини или Висконти, сейчас нет.

- Стало быть, в кино вы — язычник?

— Мне нравится произведение — и меньше нравится его автор. Раньше мне казалось: автор — это все! То же самое, например, происходило с моими книжными вкусами: мне нравятся отдельные произведения у Стендаля или Драйзера. Я люблю Анатоля Франса, но не все им написанное. Мне нравятся, например, какие-то главы из «Острова пингинов».

- Вы стеснительный человек?

— Я всегда был стеснительным, но, с другой стороны, я — очень упрямый и у меня твердый характер.

- Как можно быть стеснительным в кино?

— Желание преодолеть стеснительность привело к тому, что я стал играть. Мне нелегко это далось. Но постепенно, наблюдая себя на экране, я все больше смелся.

- Преодолели-таки?

— Не до конца, конечно. Вспоминаю съемки шукшинского фильма «Живет такой парень»: Шукшин любил Куравлева, ко мне относился с некоторой настороженностью. Я был чужак. Непьющий, тихий — подли узнал, что у такого на уме. Когда мы были в экспедиции, Василий Макарович не раз приглашал нас к себе. Конечно, ставил на стол бутылку. Я выпивал пару рюмок, и все. Остальные пили. Болтали. А я весь вечер молчал. Это вполне можно было принять за снобизм. Между тем все объяснялось просто: мне всегда было интересно слушать других, чем себя... Вплоть до сегодняшнего дня я не утратил стеснительности.

- Вы сыграли молодого Ленина в нескольких советских фильмах. Вас сейчас не попрекают «ленинскими» ролями?

— Может быть, «здесь» мне и припоминали эти роли — те, что считал, что сыграть Ленина — значит отступить от каких-то принципов. Но «там» многие даже не догадываются об этом. Я в те годы был молодой, и для меня роли Ленина были простой актерской работой. Я вообще любил играть в гриме. Надеюсь, зрители правильно поняли мою актерскую работу и никто меня не упрекал за эти роли. Хотя, возможно, за глаза кто-нибудь и говорил нелицеприятные вещи. Знаете, злое в человеке иногда так выпирает наружу, что не нужен и повод. Это может быть и простая зависть...

- Пытались ли вы понять Ленина как личность, и изменилось ли сейчас ваше отношение к вождю?

— Если говорить о профессиональных приемах, которыми Ленин пользовался как политик, то он — совершенно неромантический образ, и я не стремился его понять ни тогда, ни сейчас. Я не считаю, что время должно что-то менять в моем отношении к нему.

И, потом, прошу помнить еще об одном обстоятельстве: хотя я не испытывал особого почтения к образу Ленина, но какой артист откажется от портретного грима? От эксперимента со своим лицом? От фотографии, которую можно было потом показать маме, друзьям? Помню, когда мне предложили сделать кинопробы в гриме,

Кадр из фильма «Влюбленные».

РАЗ — СТУПЕНЬКА, ДВА — СТУПЕНЬКА — БУДЕТ ЛЕСЕНКА. В ГОЛЛИВУД...

Такой лесенки не оказалось у режиссера и актера Родиона Нахапетова

мне захотелось сделать и грим, и фото. О том, чтобы сниматься, и мыслей не было... В первый же день мне сбрили волосы («освободили площадку» для парика), удалили брови (слишком низко растут), на десну под верхней губой положили гуммоз, в нос вставили пробки, на веки наклеили вату — словом, мучили целых десять часов... Я стал ходить на грим ежедневно, как на работу — бесплатно! Между тем актерские пробы прошли успешно, и я был утвержден на роль юного (16 лет), молодого (25 лет) и зрелого (47 лет) Владимира Ильича Ленина в фильмах Марка Донского «Сердце матери» и «Верность матери». Сказался прежний опыт игры стариков. Это было явное преимущество перед теми, кто мог играть лишь самого себя...

- Сыграть Ленина с ходу нельзя. Необходима серьезная подготовка: работа, изучение документов, воспоминаний, хроники тех лет. У меня и в те времена не было иллюзий. Я встречался со старыми большевиками, знавшими Ленина, изучал различные документы в подвале Института марксизма-ленинизма, и многие казались мне, мягко говоря, очень странными. Я открыл для себя нового Ленина. Мне уже тогда было ясно, что образ Ленина был далек от того, который преподносили в угоду идеологии. Я знал, что он был очень грубый, резкий, жестокий, нервный... Но как артист я должен был играть через действие фильма. Если нет действия, нельзя показать характер. Человек должен совершать поступки. В фильмах же о Ленине, в которых мне довелось сниматься, поступков героя не было — одна голая схема. Мне же хотелось показать упрямство, неврастечность, резкость образа героя, которого я играл. Новый Ленин «метался» внутри меня, не находя себе места на экране. Режиссер Марк Донской строил образ в соответствии со сценарием и известными клише, и там не было места расщеплению тела в кровь, злобе и зависти — всем тем мелким ленинским черточкам и качествам, которые будоражили мое воображение... Кстати, если бы я сейчас играл Ленина, я бы посоветовал драматургам сделать акцент на эту сторону его личности. Это не значит, что Ленин плохой или хороший человек...

- А вот Сталина вы сейчас сыграть хотели. Есть определенный магнетизм зрительского внимания к персоне великого диктатора. Ты можешь быть слержанным, но за этим должно угадываться нечто большее.

— Почему Сталина, а не Ричарда III? — Ричард III — слишком явный персонаж, а Сталин — нет. Мне было бы интересно сыграть именно такую личность, как он. Здесь срывается мое детское восприятие вождя. Я бы постарался найти две особенные черты его личности. С одной стороны — маска доброжелательства, теплый взгляд, запечатленный на фотографиях и картинах, — с сеточкой морщин от улыбки вокруг глаз. С другой стороны — гневные взгляды, которые он бросал на соратников, гнилые зубы, ножи в кутежах... Есть и еще одно мое детское восприятие: в годы Великой Отечественной моя мама шла через линию фронта с вырезанным из бумажки портретом Сталина на груди. И я помню, что на той картинке он выглядел не таким уж злодеем. По той фотографии ни за что нельзя было сказать о нем, что он погубил множество невинных людей...

- Вас связывали теплые творческие и человеческие отношения с кинорежиссером Марком Донским. Для нынешнего поколения — это мастодонт советского кино...

— Донской относился ко мне как к своему приемному сыну. Этого я не забуду никогда. Марк Донской был забавным человеком. В первый же день знакомства он показал мне несколько монографий о себе. «Они пишут, что я великий! — скромно произнес Донской. — Последи за оставшими в живых!» Одна из монографий называлась «Маленький еврей из Одессы». «Французы меня любят, — сказал Марк Семенович. — А американцы — так те вообще открыли второй фронт после моей «Радути». Выходили из кинотеатра — и прямо на фронт. Ты знаешь, конечно, о моей перепалке с Рузвельтом?» — «Я слышал», — кивнул я. Хотя знал, что никакой перепалки не было, известна лишь короткая телеграмма, сообщающая, что «Радути» Донского показывали американским солдатам... Донской легко отблекался на разговор о себе, но не любил задерживаться на других именах. Великим, после Эйзенштейна, Пудовкина и Довженко, разумеется, был лишь он один. «Ты знаешь, что итальянский неореализм начался с моего «Детства»? — «Конечно!» — «Росселлини это сказал, — продолжал Донской, — да и все неореалисты так считают». Мне захотелось похвалить старика, и я сорвал: «Я где-то читал, что Ингмар Бергман вас тоже любил». — «Где это ты читал, Каздалевский (Донской применял это фамилию ко всем. Она у него была вместо «дуралей»)? Теперь

- Почему Сталина, а не Ричарда III?

— Ричард III — слишком явный персонаж, а Сталин — нет. Мне было бы интересно сыграть именно такую личность, как он. Здесь срывается мое детское восприятие вождя. Я бы постарался найти две особенные черты его личности. С одной стороны — маска доброжелательства, теплый взгляд, запечатленный на фотографиях и картинах, — с сеточкой морщин от улыбки вокруг глаз. С другой стороны — гневные взгляды, которые он бросал на соратников, гнилые зубы, ножи в кутежах... Есть и еще одно мое детское восприятие: в годы Великой Отечественной моя мама шла через линию фронта с вырезанным из бумажки портретом Сталина на груди. И я помню, что на той картинке он выглядел не таким уж злодеем. По той фотографии ни за что нельзя было сказать о нем, что он погубил множество невинных людей...

- Вас связывали теплые творческие и человеческие отношения с кинорежиссером Марком Донским. Для нынешнего поколения — это мастодонт советского кино...

— Донской относился ко мне как к своему приемному сыну. Этого я не забуду никогда. Марк Донской был забавным человеком. В первый же день знакомства он показал мне несколько монографий о себе. «Они пишут, что я великий! — скромно произнес Донской. — Последи за оставшими в живых!» Одна из монографий называлась «Маленький еврей из Одессы». «Французы меня любят, — сказал Марк Семенович. — А американцы — так те вообще открыли второй фронт после моей «Радути». Выходили из кинотеатра — и прямо на фронт. Ты знаешь, конечно, о моей перепалке с Рузвельтом?» — «Я слышал», — кивнул я. Хотя знал, что никакой перепалки не было, известна лишь короткая телеграмма, сообщающая, что «Радути» Донского показывали американским солдатам... Донской легко отблекался на разговор о себе, но не любил задерживаться на других именах. Великим, после Эйзенштейна, Пудовкина и Довженко, разумеется, был лишь он один. «Ты знаешь, что итальянский неореализм начался с моего «Детства»? — «Конечно!» — «Росселлини это сказал, — продолжал Донской, — да и все неореалисты так считают». Мне захотелось похвалить старика, и я сорвал: «Я где-то читал, что Ингмар Бергман вас тоже любил». — «Где это ты читал, Каздалевский (Донской применял это фамилию ко всем. Она у него была вместо «дуралей»)? Теперь

пишут только про Юткевича да про Герасимова. Но это правда. В прошлом году я летал в Стокгольм. Бергман встретил меня у трапа самолета, обнял и сказал, что он многому научился на моих фильмах. «Деточка», — сказал я ему, — я ведь тоже у тебя многому научился!»

...Во время съемок фильма «Сердце матери» на площадке находилась группа, снимавшая документальный фильм о Марке Донском. Глазок камеры заглядывал и в гримерную комнату, и в монтажную, и в павильон — всюду. Фильм назывался «Здравствуйте, Марк Семенович!» и был вполне заурядной документальной лентой. Фильм показывали по Центральному телевидению. Михаил Андреевич Суслов, тогдашний идеолог ЦК КПСС, включил телевизор где-то посередине и сначала не понял, что происходит, а когда понял, страшно разгневался: «Что вы показываете? — спросил он руководство Госкомитета по телевидению и радиовещанию. — Какой-то старый еврей похлопывает Ленина по плечу и указывает: «Пойдешь туда, скажешь сюда, а потом вернешься и сядешь!» Что это такое?» — «Это без меня... Я даже не знаю, что это... Это по первой программе?» — старался выкрутиться председатель Госкомитета. «Куда вас занесло? — продолжал Суслов. — Показывать, как Ленину наклеивают усы, борода, как промажут лысину? Вы что, думаете, вам сойдет? Это профанация! Это безобразия!» Фильм прервали на половине. В ту же ночь полетело все руководство ТВ, ответственное за выпуск «Марка Семеновича». Новому начальству впреле категорически запрещено было показывать на экране работу скульпторов, создающих образ Ильича (чтоб народ не видел, как сверяет ленинскую ноздрю, работу художников, малюющих щеки вождя, создавать сомнительные документальные фильмы, разглагольствовать о Ленине. Всеобщее общество «Знание» вообще прекратило выступления артистов, игравших Ленина (чтобы они не толковали о гриме или, что еще хуже, о «неизвестном» Ленине... Марк Семенович не ожидал такого поворота событий. В фильме были отражены руководящая роль режиссера на съемочной площадке — ничего больше. Обычная, если разобьется, вещь: режиссер репетирует, дает указания актеру. Но Марк Семенович не учел, кому он дает указания. Если бы я не был загримирован — другое дело. Но поучать Ленина? Командовать им?»

- Вернемся из тех времен в наше время. Можно ли дружить в кино, и были ли у вас в кино друзья?

— В кино, безусловно, можно дружить (правда, сейчас я больше дружу с врачами). Раньше у меня в кино было много друзей. Одна дружба в кино бывает очень долгой. А случается и так: съемки, прекрасные отношения, а потом судьба раскидывает в разные стороны. Ты делаешь одно, твои коллеги — другое. Разрезаемся и не видимся по два-три года. Сложно дружить, когда судьба всех раскидывает в разные стороны.

- В бытательской среде существует мнение, что киношная среда — это банка с науками.

— Понимаю, о чем идет речь. Но я не знаю компаний, которые бы объединялись против другой группы артистов.

— Говорят, в кино — и прошлом, и сегодняшнем, нашем и зарубежном — правит своя мафия.

— Конечно, существует определенный круг, в который трудно попасть. Никакого криминала в этом нет. Думаю, происходит простая вещь: если в этот круг кто-то прорывается, у него всегда находятся завистники. Я пытался прояснить этот вопрос в Голливуде, в частности на студии «Парамаунт». И вот что выяснил: для студийного начальства существует первый эшелон авторов, второй и те, кто еще не работал... Студия предпочитает работать с первыми — с теми, чьи картины успешно прошли обкатку. Так что все ниши оказываются забитыми, ибо студия благожелательна к тем авторам, которых она знает и которым она доверяет. Так и складывается клан, круг или что-то еще. Но это уж точно не заговор. Скорее, это стена, которую ты не можешь перепрыгнуть...

— Если вам не дадут, например, голубую лесенку, чтобы ее преодолеть.

— Может быть, может быть.

— Смотрите, как Андрею Кончаловскому, который начинал в Америке на голом месте, удалось преодолеть занятые ниши. Знакомство с Ширли Маклейн — и гоп-ля в дамки! А у вас, видимо, не было такой Ширли Маклейн, а была Наташа, которую вы полюбили...

— Пример Кончаловского меня мало утешает и подболяет. Отнюдь не умаляя таланта Андрея Сергеевича, замечу, что ему был дан шанс. Ведь это шанс — идти под руку с суперзвездой Ширли Маклейн, которая уже «в кругу», и брат ее Уорен Бити — тоже «в кругу»... Безусловно, какую-то «лесенку» Ширли подставила Кончаловскому, и он ею воспользовался. Но это не значит, что он оказался огражденным от различных неприятностей и сложностей, потому что в этот круг тоже жестокие нравы и непростое существование. Даже попав «в круг», ты можешь в один прекрасный день оказаться вытолкнутым из него, если не соответствуешь господствующим в Голливуде нормативам, в частности эстетическим. Например, если ты слишком европейский или слишком заумный...

— Стало быть, Кончаловский соответствует этим голливудским нормативам.

— Ну, он давно уже там не снимал, хотя я не думаю, чтобы он категорически от этого отказывался. Просто так складываются обстоятельства.

— Маклейн постарела?

— Она не будет ему сейчас помогать.

— А почему вы не пошли путем Кончаловского? Ведь это прямая возможность сделать карьеру... Шанс-то единственный!

— Речь не о том, что я искал, на кого бы опереться. Я просто полюбил женщину, которая мне очень была дорога. Я прекрасно понимал, что может помочь мне больше. Но у меня не было установок «пробиться» во что бы то ни стало. Я все делал искренне. Я написал сценарий о России, о переломе, который произошел в 1991 году. Мне казалось, это заинтересует студии. В этом была моя ошибка.

— Если бы вам представилась возможность во втором разу начать в Америке все сначала, вы бы пошли путем Кончаловского или тем, который уже пролегал? Все-таки вы приехали в Америку с желанием ее завоевать...

— У меня не было желания завоевывать Америку, но я думал, что найду какую-то нишу и смогу делать хорошие трогательные картины. Я знал, что в Америке, где все построено на раскованности, я себя продать не смогу — в силу своей стеснительности и скромности... Я не могу себе представить, как бы сложилась моя жизнь, если бы я проиграл свой приезд в Америку по второму разу. А вот что бы было со мной, если бы я не уехал и остался в России, я попытался себе представить. Думаю, физически я был бы более истощен. Пил бы больше, чем пью сейчас. Не уверен, что из-за этого дотянул бы до сегодняшнего дня. Что касается съемок, то я думаю, что сделал бы пару фильмов: первый — черноватый, потому что было черное время, второй был сделан более светлым. Продолжал бы дружить. Наверняка имел бы театр. Преподовал во ВГИКе... Вот как я представляю себе свою жизнь, если бы остался в России. А ту жизнь я повторить не могу. Мало вариантов.

7.10.2000.

Нахапетов Родион